

ББК 63.3 (5Каз)
П 26

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

М. К. Койгелдиев (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков

Составитель *И. В. Ерофеева*

Транскрипция скорописи XVIII в.
И. В. Ерофеевой, А. А. Альмукамбета

Комментарии *Б. Т. Жанаева,*
предисловие *И. В. Ерофеевой*

Научный редактор *Б. М. Сужиков*

П $\frac{0503020905}{00(05)-07}$

ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 9965-798-42-7

© И. В. Ерофеева, сост., 2007
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2007

**Становление научной историографии
Казахстана: историко-этнографические
труды П. И. Рычкова и Х. Барданеса**

Вторая половина XVIII в. стала важной вехой в истории накопления разнообразных историко-этнографических знаний в России о Казахстане и казахском народе. В это время было положено начало сложному процессу становления историографии казахского народа в ее научной форме, который продолжался около ста лет. Характерными чертами его являлись: утверждение в общественном сознании России рационалистической картины мира, формирование теории и методологии исторического познания и приемов рационально-аналитической критики источников, создание принципиально новых по жанру, структуре и тематике исторических произведений, выделение истории и культуры Казахской степи в отдельную предметно-тематическую сферу историко-этнографического знания и познания.

До середины XVIII в. разнообразные знания о казахском народе и казахстанском регионе развивались в России главным образом в русле практического востоковедения, тесно связанного с конкретными интересами и потребностями внешней политики царского самодержавия в Центральной Азии, и в то время еще не обладали самостоятельной социальной значимостью в познавательной культуре наиболее образованных слоев российского общества в качестве относительно свободного от преходящей политической конъюнктуры («незаинтересованного») исторического знания. В первой половине XVIII в. когнитивная теория и процесс накопления конкретных фактических знаний по истории и этнографии казахов были, как и прежде, социально разделены. Первые попытки преодолеть сложившуюся с давних пор интеллектуальную дистанцию между этими двумя взаимосвязанными контекстами познавательной культуры, предпринятые В. Н. Татищевым, И. К. Кириловым и Г. Ф. Миллером, значительно способствовали их взаимному сближению, но в то время еще не привели к полному их слиянию, проникновению научных методов познания общества в процесс накопления и осмысления фактического материала и появлению в российской историографии специальных казахстановедческих научных трудов.

Исходя из этого, вторую четверть XVIII в. можно назвать преднаучным периодом, понимая под ним такую переходную эпоху, когда уже сложились в основном внешние социально-экономические и политические факторы, стимулировавшие более интенсивное изучение Казахстана в России, сбор и обработку исторических источников, а внутри самой исторической мысли отчетливее, чем когда-либо прежде, появились черты нового методологического подхода к познанию истории и культуры казахского народа, не превратившиеся еще, однако, в систему, в общепринятый принцип исследования, правило деятельности, объект специ-

ального осмысления историков. Для того чтобы историография Казахстана стала наукой, т. е. превратилась в сферу приложения саморазвивающихся когнитивных интересов и отдельную предметную область исследовательской деятельности российских историков, потребовались глубокие мировоззренческие сдвиги в российском обществе, его огромное ментальное «потрясение», вызванное интеллектуальным взрывом Просвещения и невиданным ранее расширением духовных контактов русской культуры с культурами Востока и Запада.

Сближение России с философией Западной Европы и философской мыслью Центральной и Юго-Восточной Азии существенно влияло на содержание общественного сознания, постепенно вело его к ломке традиционных представлений, побуждало к серьезной интеллектуальной работе. Рост внимания к проблеме человека, философскому истолкованию антропии социокультурогенеза обусловил, начиная с середины XVIII в., развитие географических, антропологических, статистических, лингвистических и этнографических исследований; попытки рассмотреть и теоретически осмыслить культурно-исторический опыт неевропейских народов и попытаться тем самым решить проблему соотношения особенного и всеобщего в развитии человечества. Начальный этап практической реализации этих назревших задач гуманитарного познания, а следовательно, и превращение исторических знаний о казахском народе в науку следует отнести поэтому ко второй половине XVIII в., связав его с трудами ученых Петербургской Академии наук — П. С. Палласа, И. П. Фалька, Х. Барданеса, А. И. Левшина, с одной стороны, и исследованиями представителей зарождавшейся краеведческой историографии — П. И. Рычкова, И. Г. Андреева и прочих, с другой.

Начало становления научной историографии Казахстана тесно связано с именем первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук и первого историка Башкирии, Оренбурга и Казахской степи П. И. Рычкова, образно названного в конце XIX в. одним из его последователей «Колумбом Оренбургского края».

Петр Иванович Рычков родился в 1712 г. в Вологде в купеческой семье, в которой высоко ценились трудолюбие и «склонность» к наукам. В 1720 г. семья Рычковых из-за расстройств торговых дел переехала в Москву, где Иван Иванович Рычков определил своего сына для обучения сначала в частную школу, а позднее — к своему давнему другу директору полотняных фабрик голландцу И. П. Тамесу¹. В этих учебных

¹ Здесь и ниже биографические данные о П. И. Рычкове заимствованы из наиболее обстоятельного исследования о его жизни и деятельности, подготовленного видным оренбургским историком П. Е. Матвиевским и его коллегой А. В. Ефремовым. См. их совместную работу: Петр Иванович Рычков. 1712—1777. М., 1991.

заведениях он получил неплохие для того времени знания в области бухгалтерии и коммерции, а также изучил голландский и немецкий языки. В 1730 г. Петр Иванович Рычков переехал в Петербург и поступил там на службу к директору казенных стекольных заводов англичанину Вильяму Эльмсену, у которого прослужил управляющим около трех лет. Затем по семейным обстоятельствам он был вынужден искать более доходное место и в 1733 г., обратившись к обер-секретарю Правительствующего Сената И. К. Кирилову с просьбой предоставить ему свободную вакансию переводчика в столичной портовой таможне, был принят на должность переводчика и помощника бухгалтера в это государственное учреждение.

Знакомство с И. К. Кириловым имело судьбоносное значение для последующей жизни и профессиональной деятельности будущего историка. В момент первой встречи с П. И. Рычковым И. К. Кирилов вынашивал идею создания в устье Ори на границе России с казахскими жузами специальной Экспедиции, которая должна была укрепить военно-политические позиции империи на Южном Урале, привести казахов к «подлинной подданнической верности» Российской державе и установить ее торговые связи с соседними центральноазиатскими странами. Эта идея вылилась в написанный им проект «Изъяснение о киргизкайсацких и каракалпацких ордах», в котором всесторонне обосновывалась необходимость строительства военного опорного пункта новой экспедиции и были четко сформулированы ее основные цели и задачи. 1 мая 1734 г. проект был утвержден императрицей, а указом от 7 июня 1734 г. предписывалось «вновь строить назначенному» городу именоваться *Оренбургом*. Начальником Экспедиции, получившей позже название *Оренбургской*, был назначен И. К. Кирилов.

В начале июня того же года И. К. Кирилов, приступив к формированию штата Оренбургской экспедиции, зачислил в ее состав наряду с прочими специалистами «в бухгалтерском деле знающего из русских Петра Рычкова», которому поручалось ведение счетных книг и прочих канцелярских дел. 15 июня 1734 г. Оренбургская экспедиция отправилась вместе с посольством хана Младшего жуза Абулхайра (1710–1748) из Петербурга в направлении на юго-восток «в земли и народы азиатские». В конце ноября сотрудники Экспедиции добрались до Уфы, где они в течение пяти месяцев основательно готовились к предстоящему путешествию на Южный Урал. После завершения длительных приготовлений к походу 17 апреля 1735 г. они вновь двинулись в путь и к лету прибыли на место строительства будущего Оренбурга. По свидетельству самого П. И. Рычкова, 12 августа 1735 г. «при Яике-реке и устье Орском» город Оренбург был заложен. Но начавшееся вслед за тем очередное антиколониальное движение башкир на Южном Урале заставило И. К. Кирилова и его сотрудников покинуть новооснованную крепость и временно

перебазироваться в Самару. С основанием в месте впадения Ори в реку Яик Оренбургской экспедиции вся последующая жизнь П. И. Рычкова почти непрерывно на протяжении более 40 лет протекала на границе России и Казахской степи, где сформировались его основные познавательные интересы и были созданы первые рукописные исследования о казахском народе.

На новом месте назначения П. И. Рычков проявил исключительное трудолюбие и добросовестность в порученных ему делах и поэтому в течение 30–50-х гг. XVIII в. неизменно выполнял при разных начальниках Оренбургского края — И. К. Кирилове, В. Н. Татищеве, В. А. Урусове, И. И. Неплюеве и прочих обязанности правителя Оренбургской канцелярии. По должности ему неоднократно приходилось участвовать во всех дипломатических приемах среднеазиатских посланников и купцов, а также в многочисленных официальных встречах своих прямых начальников с казахскими ханами и султанами. Подробное содержание и конкретные результаты этих непосредственных встреч нашли отражение в специальных экстрактах, протоколах, или «журнальных» и «церемониальных» записках, составленных П. И. Рычковым во время самого прохождения и по горячим следам русско-казахских переговоров. «Протоколы, или «журнальные записки» этих свиданий, хранящиеся в архивах, — справедливо отмечают биографы П. И. Рычкова П. Е. Матвиевский и А. В. Ефремов, — оформлены Рычковым с такой стенографической точностью и так содержательны, что читаются словно художественные произведения. Составленные им различные проекты, «донесения», «представления и экстракты» представляют собой правдивые исторические источники»².

На основе всех этих материалов и других документов 30–40-х гг. XVIII в., хранившихся в канцелярии Оренбургской губернии, П. И. Рычков написал в 1750 г. первый историко-этнографический труд о тюркоязычных народах Евразии под названием «Краткое известие о татарах и нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются». Несмотря на то, что эта работа стала известна в XIX–XX вв. многим профессиональным исследователям Южного Урала, Казахской степи и Средней Азии, она до сих пор по разным причинам не была опубликована. В ней П. И. Рычков уделил определенное внимание казахам, исторические сведения о которых он поместил в нескольких разделах «Краткого известия о татарах» и привел здесь ряд современных ему достоверных фактических данных о Туркестане и других городах на Средней Сырдарье, находившихся в то время под властью казахских ханов.

² Там же. С. 39.

Исследованием Оренбургского края П. И. Рычков начал заниматься в русле своих прямых служебных обязанностей. Организация эффективного управления новоприсоединенными территориями неизбежно предполагала основательное изучение их природы, а также образа жизни, истории и культуры местного населения, что входило в сферу компетенции правителя Оренбургской канцелярии и других оренбургских чиновников. Но позднее под влиянием своего прямого начальника, «отца российской истории» В. Н. Татищева, а затем и академика Г. Ф. Миллера изучение Оренбургского края превратилось для него в настоятельную духовную потребность и стало делом всей жизни исследователя, посвятившего ему свои лучшие зрелые годы. Наиболее крупными результатами исследовательской деятельности П. И. Рычкова в Оренбургском крае явились две его печатные работы: «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии», опубликованная в 1759 г. в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», и «Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии», которая была напечатана в том же журнале в 1762 г. и немного позднее вышла в свет отдельным изданием. Эти труды составили целую эпоху в развитии историко-этнографических знаний о Казахстане в России и до сих пор считаются одними из наиболее ценных источников о дореволюционном прошлом казахского народа. Со времени первого издания «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской» по настоящее время оба произведения дважды переиздавались на территории бывшего СССР: первое из них — в Оренбурге в 1896 г., а второе — там же под названием «Топография Оренбургской губернии» в 1887 г.; в постсоветский период обе книги были переизданы с подробными научными комментариями в 2001 и 2003 гг. в г. Уфе — столице современной Республики Башкортостан. В «Истории Оренбургской» нашли отражение основные аспекты истории русско-казахских отношений периода 30–40-х гг. XVIII в., включая конкретные обстоятельства принятия ханом Младшего жуза Абулхайром российского подданства, а в «Топографии Оренбургской» — наиболее важные природно-географические особенности Казахской степи и многие вопросы этнографии казахов-кочевников. Здесь впервые в российской историографии было дано описание родоплеменной структуры традиционного казахского общества, главным образом казахов Младшего жуза, более или менее четко обозначены географические ареалы кочевания наиболее крупных казахских племен и приведены важные фактические сведения о памятниках материальной культуры кочевого населения Северо-Западного Казахстана.

Существенным дополнением к историко-этнографической информации о казахском народе, изложенной в этих работах, явились отдельные труды П. И. Рычкова более позднего периода, посвященные Оренбургскому краю, которые до выхода в свет данного тома российских истори-

ческих источников никогда прежде не издавались в нашей стране и за рубежом. К числу таких малоизвестных сочинений оренбургского историка следует отнести написанное им в 1774 г. по заказу графа Н. И. Панина «Нижайшее представление о состоянии киргиз-кайсацких орд и о способах приведения их к спокойному пребыванию и ко исполнению подданных должностей» и «Лексикон, или словарь топографический, Оренбургской губернии» составленный в 1776 г. И в том и в другом труде содержатся оригинальные и достоверные фактические сведения о казахских ханах Абулхаире, Абылае и других правителях Степи, отдельных военных преводителях-батырах, что существенно уточняет и дополняет биографические данные других документальных источников 30–70-х гг. XVIII в. об этих видных исторических персоналиях того периода. Кроме того, здесь запечатлены важные свидетельства непосредственных очевидцев о присырдарьинских городах и оседлоземледельческих селениях середины XVIII в., отсутствующие в среднеазиатских мусульманских источниках нового времени, и в этом отношении историко-этнографические материалы П. И. Рычкова о тюркоязычном населении Южного Казахстана также представляют непреходящую практическую ценность для исторической науки.

Постоянное покровительство и поддержка, оказываемые П. И. Рычкову на протяжении многих лет видными российскими учеными В. Н. Татищевым, Г. Ф. Миллером и другими, имели важное значение для его профессионального роста как исследователя-историка и немало способствовали его успешному продвижению по ступеням служебной карьеры. В 1759 г., учитывая большие достижения П. И. Рычкова в изучении Оренбургского края, Петербургская Академия наук учредила звание члена-корреспондента и избрала его своим первым членом-корреспондентом. Год спустя П. И. Рычков, получив чин статского советника, вышел в отставку и переехал в свое имение Спасское, расположенное в Уфимской провинции, недалеко от Бугульминской слободы. Здесь он прожил около 10 лет, в течение которых активно сотрудничал с Вольным Экономическим обществом в Петербурге, для изданий которого написал целый ряд интересных статей, а в 1769 г. был назначен российским правительством на должность главного правителя Оренбургских соляных дел. На этой должности он самоотверженно работал до 1777 г., пока не получил назначение по службе на должность главного командира заводоуправлений на Урале в Екатеринбург. Но на данном поприще неутомимому труженику не суждено было проявить свою энергию. В конце лета 1777 г. П. И. Рычков серьезно заболел, а 15 октября того же года скончался в Екатеринбурге. Похоронили оренбургского историка в селе Спасском³.

³ Там же. С. 227–229.

Вторая половина XVIII в. вошла в историю накопления историко-этнографических знаний о казахском народе не только благодаря краеведческим изысканиям первого историка Оренбургского края П. И. Рычкова, но и как эпоха крупных географических открытий и комплексных экспедиций. В числе наиболее солидных научных достижений этого периода особенно выделяются исследования Второй комплексной Академической экспедиции 1768–1774 гг., охватившие огромные пространства России от Белого до Каспийского морей и от Байкала до Кяхты.

Особенно велики заслуги участников Второй Академической экспедиции в исследовании природы и населения Казахстана, большая часть территории которого вплоть до середины XVIII в. оставалась во многих отношениях совершенно неизвестной для российской и европейской науки.

Изучением казахских земель занимались три Оренбургских отряда Академической экспедиции, возглавлявшиеся крупными естествоиспытателями общеевропейского масштаба: П. С. Палласом, И. И. Лепехиным и И. П. Фальком. Их ближайшими помощниками в этом путешествии были В. Ф. Зуев, Н. П. Соколов, П. И. Рычков (у Палласа); И. Л. Озерецковский (у Лепехина), И. Г. Георги и Х. Барданес (у И. П. Фалька) и др. Впоследствии почти все названные исследователи получили широкую известность в научном мире.

Сотрудники академических экспедиций обстоятельно исследовали западные, северные и северо-восточные регионы Казахской степи, что впоследствии позволило им включить в свои обогащающие труды подробные страноведческие характеристики этих территорий. Кроме того, П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. Г. Георги и П. И. Рычков не обошли вниманием и вопросы этнографии казахского народа. Во многих разделах своих работ они описали хозяйственные занятия, образ жизни, некоторые обряды и обычаи казахов, привели ряд интересных сведений об археологических памятниках региона⁴.

Однако сведения о природе и населении Казахстана, собранные П. С. Палласом, И. П. Фальком и И. Г. Георги к середине 70-х гг. XVIII в., носили в основном локальный и фрагментарный характер. Они касались преимущественно северной части Казахской степи, по которой пролегли путевые маршруты экспедиционных отрядов, в то время как информация этих ученых о других регионах Казахстана большей частью опиралась не на их собственные исследования, а на свидетельства случайных лиц и поэтому была явно недостаточной, чтобы составить сколь-

⁴ Об этих трудах см.: Масапов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; Ерофеева И. В. Вопросы истории Казахстана второй половины XVIII в. в трудах участников Академических экспедиций 1768–1774 гг. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 1. С. 29–34.

ко-нибудь четкое и цельное представление об общественной жизни и культуре казахов. Скучность имевшихся у них научных знаний о Казахстане и казахском народе хорошо сознавали и сами руководители экспедиционных отрядов, что побудило профессора Иоганна Фалька (1727–1774) воспользоваться случаем отправления особого военного отряда в Степь и прикомандировать к нему для исследования региона своего «лучшего ученика» и «ближайшего помощника» Христофора Барданеса — человека с полупрошлым прошлым и во многом загадочной судьбой.

По своему происхождению Х. Барданес был греком и родился в образованной купеческой семье в Молдавии приблизительно в 1731 или 1732 году. В юношеском возрасте он был отправлен родителями учиться в Киев, но через несколько лет, возвращаясь домой в Молдавию, попал в плен к ногайцам и был увезен на невольничий рынок в Константинополь. Там юноша был продан какому-то иностранцу и вместе с ним объехал всю Польшу, Германию, Венгрию и часть Италии и затем возвратился в Вену. Освободившись из плена в возрасте 35 лет, Х. Барданес приехал «в убогом состоянии» через Венгрию и Польшу в Петербург, где поступил в медико-хирургическое училище. После его успешного окончания Х. Барданес был сразу же принят на работу в императорский госпиталь, где перед ним открывались хорошие перспективы. Обучившись хирургии, здесь он получил звание врача. Но оставаясь в госпитале новоиспеченный медик совсем недолго. В 1768 г. готовилась к отправлению экспедиция И. П. Фалька. Неутомимый путешественник без колебаний принял решение участвовать в ней и взял на себя малопочетные обязанности чучельника. Но, «благодаря особой его наблюдательности, страсти к коллекционерству, умению сходиться с людьми и знанию многих языков, он был одним из лучших учеников и помощников Фалька, который высоко ценил его познания и усердие»⁵.

Для него И. П. Фальк составил специальную специальную инструкцию, где детально расписал все задачи намеченного путешествия и при этом строго предписал ему «с сим корпусом столь далеко в Степь идти, сколько оный пройдет, дабы она повсюду осмотрена была»⁶.

Результаты научного путешествия Х. Барданеса в полной мере оправдали ожидания его взыскательного начальника. Х. Барданес совершил в 1771 г. две дальние поездки по Казахской степи. Первая пролегла по маршруту Троицк — Уйская дистанция — западные строгии Уральского хребта — Троицк, и вторая — из Троицка через Петропавловск по левому берегу Иртыша в Семипалатинск — на Калбинский хребет — район Каратау и обратно той же дорогой в Семипалатинск. Таким обра-

⁵ Русский биографический словарь (РБС). Т. 2. Алексинский—Бестужев-Рюмин. СПб., 1900.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 21.

зом, он стал одним из первых российских путешественников, которому удалось непосредственно обследовать разные территории региона и осуществить более или менее обстоятельное изучение посещенных казахских аулов. Свои конкретные наблюдения за природой Центрального и Восточного Казахстана и жизнью казахов-степняков, а также подробные данные устных опросов кочевников исследователь изложил в составленных им в начале 70-х гг. XVIII в. обширном путевом дневнике о поезде в Степь и специальном монографическом исследовании, посвященном казахскому народу, которое он назвал «Киргизская, или казацкая, хорография». Оба произведения сохранились только в рукописном виде и хранятся в фондах Академической экспедиции 1768–1774 гг. в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук. В 1978 г. автору этих строк удалось обнаружить путевой дневник и «Киргизскую хорографию» Х. Барданеса в вышеуказанном Архиве и исследовать их в источниковедческом отношении⁷. При внимательном ознакомлении с текстом второго произведения выяснилось, что оно представляет собой первый в науке специальный обобщающий труд по географии и исторической этнографии Казахстана. В основу его структуры был положен предметно-тематический принцип, в соответствии с которым автор распределил накопленный им фактический материал по конкретным аспектам социально-экономического и социального развития казахского народа. Собранные и систематизированные Х. Барданесом фактические данные о хозяйстве, общественной жизни и культуре казахов-кочевников имеют исключительную ценность для науки, т. к. являются непосредственными свидетельствами очевидца и отличаются редкой для того времени детализацией описаний домашнего быта, культурных традиций и обрядов казахского населения, свидетельствующих о большой наблюдательности и добросовестности этого автора. В «Киргизской хорографии» приведено также немало оригинальных казахских преданий о природе и топонимике Северного и Восточного Казахстана, что заметно отличает данный труд от многих других исследований второй половины XVIII — первой четверти XIX в., в которых полностью отсутствуют исторические сведения такого рода.

Рукопись «Киргизской хорографии» не сохранилась в фондах в Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук в полном объеме. Текст ее резко обрывается почти на середине главы о брачно-семейных обрядах казахов, а остальные страницы работы были, по-видимому, потеряны еще до ее поступления в Архив. Можно предположить, что текст монографии Х. Барданес готовил в начале 70-х гг. XVIII в. к

⁷ Ерофеева И. В. Территория и население Казахстана второй половины XVIII в. в трудах Х. Барданеса // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 9.

печати, о чем свидетельствуют его конкретные ссылки на использованные труды П. И. Рычкова, имеющиеся на некоторых страницах сохранившегося рукописного текста труда. Более того, о «Киргизской хорографии» исследователь неоднократно упоминал в своем путевом дневнике, отсылая его будущих наиболее любознательных читателей к своему основному труду о Казахстане и казахском народе. Но судьба распорядилась совсем иначе.

В 1774 г. непосредственный начальник и большой друг Х. Барданеса профессор И. П. Фальк покончил жизнь самоубийством. После его смерти Барданес привез материалы экспедиции в Петербург и некоторое время после того работал лаборантом в химической лаборатории Академии наук. Но непреодолимая страсть к путешествиям очень скоро вновь захватила его. Барданес бросил все дела и устроился лекарем на флот сначала в Кронштадте, а потом в Таганроге. Оттуда он совершил несколько плаваний по Черному морю и погиб во время очередного путешествия при неизвестных обстоятельствах⁸. Конкретная дата и место его кончины также остались неизвестны профессиональным историкам.

В состав настоящего издания вошли все вышеназванные рукописные исторические труды, записки и экстракты П. И. Рычкова, опубликованные в 1825 г. краткие извлечения из путевого журнала Х. Барданеса и сохранившаяся в Архиве основная часть его монографии «Киргизская, или казакская, хорография, а также историческое сочинение неизвестного автора 1796 г. под названием «Краткое описание о киргиз-кайсаках». Тексты этих работ были обработаны и подготовлены к изданию к. и. н. И. В. Ерофеевой и президентом ОФ «Международный Фонд Абулхалир-хана А. Альмукамбетом. Научные комментарии к текстам составлены Б. Т. Жанаевым, предисловие к изданию написано И. В. Ерофеевой. Указатели имен и географических названий подготовлены Б. Т. Жанаевым и А. А. Альмукамбетом, компьютерный набор текстов тома осуществила А. Т. Ракишева.

И. В. Ерофеева

⁸ РБС. Т. 2. СПб., 1900; Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 7. СПб., 1825. С. III–V.